

ПАФОС РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕЙНОСТИ

СРЕДИ огромного разнообразия музыкальных жанров симфонии принадлежит особое место. Благодаря особой «вместимости» эмоционально-смыслового содержания симфония обладает огромной силой обобщения жизненных явлений. Вершины мирового симфонизма, они — как горная цепь, с высот которой открыта взгляду вся история народа, его характер, духовная жизнь. Немало таких высот «взято» и советскими композиторами. «Советская симфония — наша гордость, — справедливо утверждал Б. Асафьев, — ибо единственно только в нашей великой стране симфоническая музыка не растерялась и в сложных исторических ситуациях упорно проявляла и проявляет себя, как и дореволюционная русская симфония, в атмосфере высоких помыслов, не растворяясь в соблазнах ушеугодия или в эксцентрических выдумках — на испуг обывательского слуха».

СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ Шостаковича. Трудно назвать произведение, рожденное за последние десятилетия, которое так стремительно, так синхронно событиям эпохи, с такой всеобъемлющей правдой отразило бы величайшие трагические события, жесточайшую схватку двух сил — фашизма, этого страшнейшего порождения империализма, против социализма и победу последнего, спасшую человечество. Симфония, созданная в первый период войны, полна веры в силы советского народа. Она потрясла мир образами своих героев, вставших на защиту завоеваний революции, проявивших невиданный героизм в боях за Родину. Пафос героизма передан в симфонии просто и сурово, он наполняет ее естественно, как воздух. Силы зла и света ведут поединки в музыке не картонными мечами, а насмерть. Тема зла, тема фашизма

страшна и ядовита, она способна отравить сознание, раздразнить чувства и мысль своей машинной «логикой». В противопоставленном ей мире музыки, воплощающем волю к победе, наполненном высоким лиризмом, получил особенно яркое выражение русский характер, свойственный ему революционный героизм. По праву это произведение Шостаковича стало знаменем нашего симфонического творчества, символом духовных сил наших людей.

Героический пафос пронизывает и Вторую симфонию А. Хачатуряна — Симфонию с колоколом. Страстность ее ораторских призывов, сила утверждения, тревога за будущее и убежденность в победном исходе борьбы за социальное переустройство мира выражены в этом великодушном создании могучего таланта с рельефностью монументальной фресковой живописи. Здесь героика предстала перед нами в образах глубоко национальных, наполненных возвышенной патетикой авторских высказываний.

Советская симфоническая культура — явление удивительно объемное, многоохватное. Советские композиторы использовали богатейшие возможности жанра эпической симфонии для раскрытия героического характера наших современников. Эпическое, «богатырское» начало находило выражение в таком замечательном произведении, как Пятая симфония С. Прокофьева. Народно-патриотическое содержание, интонационная русская почвенность, яркие, высокохудожественные образы Родины, народа, данные во весь рост и воплощенные крупными мазками и сочной кистью, выдвигают это произведение в ряд наиболее ярких образцов русского героического симфонизма.

Эпические «богатырские» традиции русской и советской классики развивает в своем творчестве

и композитор Г. Попов. Его вторая симфония «Родина» посвящена нашей замечательной стране, ее героическому народу. Пронизанное высоким лиризмом, согретое большим чувством художника, страстно влюбленного в свою Родину, это сочинение написано языком истинно русским, ярким и образным.

Огромный материал для сочинений эпически-героического склада дает нам эпоха гражданской и Великой Отечественной войн. Среди многочисленных произведений этого плана выделяется Симфония-легенда С. Разоренова, посвященная бессмертному подвигу Зои Космодемьянской. Это проникновенная, до конца русская, наполненная живым человеческим чувством лирико-героическая повесть о народном героине в час его испытаний и о дочери народа Зое. Героизм народа запечатлен здесь в его немеркнувшей красоте, скромности и величии. Характер юной патриотки раскрыт автором с необычайной проникновенностью, с такой внутренней правдой, что ее облик, воссозданный в симфонии, как бы светится перед нами во всей своей поэтичности и чистоте. Симфония С. Разоренова — один из самых человеческих памятников героизма советских людей.

О ТОМ, ЧТО НАРОДНОСТЬ — не формальное использование фольклора, а метод музыкального мышления, естественно вошедший в себя интонационный строй целого народа, говорилось немало. Но важно отметить, что для дальнейшего развития героических жанров жизненно необходимо овладение композиторами важным пластом народной музыкальной культуры — революционной, героической песней. Однако, за редкими исключениями, она использовалась авторами лишь как цитата, и, пожалуй, впервые революционная

песня зазвучала во весь голос, образуя основу симфонического развития, в Одиннадцатой и Двенадцатой симфониях Шостаковича. Композитор убедительно доказал, какие неисчерпаемые возможности таятся в песнях революции для жанра героической симфонии. Песни как бы зажили новой жизнью. Они органически вошли в музыкальную ткань, образовали тематическую основу произведения. Вот почему сцены, отражающие исторические события 1905 года и Октября, оказались подлинными, живыми, насколько это позволяют сложные взаимодействия большого искусства и жизни.

Героика симфоний Шостаковича, посвященных революции, сродни героике революционных поэм Маяковского: и там, и здесь — широта охвата событий, ораторская интонация, патетика «державного шага» революции и правда народного подвига. Радостно сознавать, что в симфоническом творчестве нашей молодежи и композиторов братских республик героическая тема заявляет о себе все более настойчиво и значительно. Черты героизма свойственны первым симфониям А. Эшпая, Р. Щедрина, А. Николаева. Лирико-героическими темами и образами проникнуты первые симфонии А. Арутюняна, О. Тактакишвили, Четвертая симфония Д. Гаджиева.

Этическая наполненность советского симфонического творчества была важным условием возникновения в нем героического начала. Но воплощение в музыке героических тем далеко не всегда было удачным. Так, особенно в период культа личности появилось немало симфонических произведений ложного пафоса, бесконфликтных, в которых лишь внешне отражались героические события, где действовала формальная схема в ущерб правде жизни и искусства. Отвлекала от решения задач героического сим-

фонизма и пресловутая «теория трагедийности», понятая как обязательная необходимость нагнетать в музыку сумрак, ужасы, рефлексию. И в одном, и в другом случае размывалось героическое идейно-художественное начало, терялась перспектива, утрачивалось ощущение подлинных основ народной жизни. Это были пути наименьшего сопротивления и наименьших художественных результатов. Тем ценнее те завоевания, которые сделаны советской музыкой в отражении правды нашей жизни, утверждающей героизм как само существование нашей действительности.

Симфонические произведения высокого героического накала требуют от автора постижения жизни народной. Создатель их должен быть не просто музыкантом, а композитором-мыслителем, гражданином, борцом, который постигает события во всей их полноте и взаимосвязи. Эти требования особенно активно должны быть обращены к молодой смене, призванной зорко видеть главные черты нашей жизни, определяющие ее дальнейшее революционное развитие. Кто из композиторской молодежи еще дает себя увлечь ложным поискам в сфере модернизма, авангардизма. О каком уж тут героическом начале может идти речь, когда привычные человеческие

чувства искажаются неузнаваемо, гипертрофируются или сводятся до микрочувств! Вряд ли можно говорить о героическом в музыке и тогда, когда в ней преобладает натурализм, разлитое эпитонство, когда «повторение пройденного» вытесняет новаторские поиски. Живой дух открытий и дерзаний властвовал в бетховенском симфонизме, стремление «к новым берегам» сопровождало творчество советских композиторов старшего поколения, смело раскрывших тему героизма в симфониях, глубоко запавших в сердца людей.

ПОТРЕБНОСТЬ ОТРАЗИТЬ в симфонической музыке героике наших дней, революционного прошлого и далее будущего необычайно велика. Подвиги — рядом, они каждодневны, они в трудовом энтузиазме масс, строящих коммунизм на фабриках, заводах, в колхозах, лабораториях, они в борьбе партии за превращение исторической Программы КПСС, в будничном и прекрасном в своем героизме труде молодежи на целине, в освоении космоса, борьбе народов за мир, в освобождении целых стран и континентов от ига колониализма, в труде учителя, врача. «Героическое не принадлежит только истории, — подчеркнул в одном из своих выступлений Л. Ф.

Ильичев. — Разве по масштабности социальных, идеологических и иных преобразований наша эпоха не самая волнующая в истории человечества?». Да, сама эпоха построения коммунизма, сама наша жизнь призывает композитора к отражению в искусстве свершений советских людей.

Искусство не должно проходить мимо героического, не должно допустить аморфного растворения черт и примет героизма в бытовизме. Как хорошо, что за последние годы у нас в музыке в различных ее жанрах возникают произведения, отмеченные пафосом героики: и песни о коммунистических бригадах и тревожной молодости, и «Бухенвальдский набат», и симфонии, и опера об Октябре, и «Реквием» памяти павших в Великую Отечественную войну. Чем глубже и значительнее будет звучать героическая нота в музыке, тем ярче будут обобщения в ней жизни народа-героя, тем ближе и роднее станет наша музыка людям, тем сильнее станет она вдохновлять их на новые подвиги в строительстве коммунизма. И уже не за горами, может быть, время, когда явится миру новая, Девятая симфония, подобно бетховенской, обращенная к миллионам, объединяющая и славящая братство трудового народа.

С. АКСЮК.